

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (39) 2020

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2020
© Tomsk State University, 2020

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (39) 2020

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2020
© Томский государственный университет, 2020

CONTENTS

No 4 (39) 2020

Marina V. Kutsaeva. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow Region Mari	7
Delyash N. Muzraeva. Syntactic features of Late Oyirat translated monuments (based on the manuscript with the translation of Tugmud-Gavji <i>Oülgurun Dalai</i> "The sea of parables")	24
Rimma T. Muratova. Analytical forms of color-signifying lexemes in the modern Bashkir language (on materials of electronic corpus of prose, folklore and publicism)	41
Elena M. Napolnova. Semantics of the verbs "eat" and "drink" in Turkish	54

REVIEWS

Aleksey A. Burykin. <i>A. A. Petrov. Istoriya izucheniya tunguso-manchzhurskih yazykov v Rossii</i> (Ocherki i issledovaniya) [The history of the study of the Tungus-Manchu languages in Russia (sketches and researches)]	67
Uldanay Jumabay. <i>Düysenälj Äbdiläšim. Eski Kazak jazba tili</i> [The Old Kazakh written language]	71
Style sheet	77

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (39) 2020

М. В. Куцаева. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий мариЙцев Московского региона	7
Д. Н. Музраева. Синтаксические особенности поздних ойратских переводных памятников (на материале рукописи перевода Тугмюд-гавджи <i>Oülgurun dalai</i> «Море притч»).....	24
Р. Т. Муратова. Аналитические формы цветообозначающей лексики в современном башкирском языке (на примере материалов электронных корпусов прозы, фольклора и публицистики)	41
Е. М. Напольнова. Семантика глаголов «есть» и «пить» в турецком языке	54

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Бурькин. <i>А. А. Петров.</i> История изучения тунгусо-маньчжурских языков в России (очерки и исследования).....	67
Uldanay Jumabay. <i>Düysenâlj Âbdilâšim:</i> Eskij Kazak Jazba tilij [Дюйсенали Абдулашим: Староказахская письменность]	71
Требования к оформлению статей.....	77

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); moscoop@yandex.ru

В статье рассматривается один из узких, однако важных с лингвистической точки зрения аспектов языковых биографий представителей марийской диаспоры Московского региона — вопрос языковых контактов, которые респонденты в выборке или представители старшего поколения в семье поддерживали в прошлом с татарами, и, соответственно, особенности бытовавшего в их среде марийско-татарского двуязычия и марийско-татарско-русского трехязычия. Основываясь на свидетельствах и воспоминаниях респондентов, автор статьи изучает, с одной стороны, предпосылки, благоприятствовавшие указанным языковым контактам, с другой стороны, причины угасания марийско-татарского языкового взаимодействия и постепенного вымывания татарского компонента из языковых биографий марийцев.

Среди экстралингвистических факторов, способствующих становлению и поддержанию языковых контактов, выявлены: историко-географический (чересполосное расположение марийских и татарских деревень или одна общая деревня); хозяйственно-экономический (тесные торговые и хозяйственные отношения между марийцами и татарами, ведение общей трудовой деятельности в советское время в колхозе); культурно-досуговый (совместная культурно-досуговая деятельность). Несмотря на то что марийцы использовали татарский язык преимущественно в бытовой сфере, он выполнял целый ряд функций: коммуникативную, символическую, эмоциональную и функцию тайного языка. Возможной причиной угасания марийско-татарских языковых контактов стало, согласно полученным данным, ослабление торгово-хозяйственных связей: постепенная замена гужевого транспорта автомобильным; ухудшение в 1990-х гг. материального благосостояния на селе и как следствие — отток населения в более крупные населенные пункты, распад колхозов и вымирание отдельных деревень. Рассмотрены также языковые контакты, возникающие при совместном обучении детей в школе (на разных этапах школьного обучения) или во внутрисемейном общении.

Ключевые слова: внутренняя диаспора, марийский язык, татарский язык, языковые контакты, многоязычие, марийско-татарское двуязычие, марийско-татарско-русское трехязычие

MARI-TATAR LANGUAGE CONTACTS AS REFLECTED IN THE LANGUAGE BIOGRAPHIES OF MOSCOW REGION MARI

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); moscoop@yandex.ru

The article deals with a narrow, yet important from the linguistic point of view aspect of the language biographies of representatives of the Mari Diaspora in the Moscow region — the issue of language contacts that the respondents in the sampling or senior members of their family used to maintain in the past with Tatars, and, accordingly, the Mari-Tatar bilingualism and Mari-Tatar-Russian trilingualism that existed among them. Basing herself on the testimonies and recollections of the respondents in the sampling, the author examines the prerequisites for these types of language contacts, on the one hand, and on the other hand, studies the causes that led to the extinction of Mari-Tatar language interactions and the gradual washing out of the Tatar component from the language biographies of Mari people. Among the extralinguistic factors that contributed to the development and maintenance of these language contacts, the following ones were identified: historical and geographical (the alternating location of Mari and Tatar villages or one common village); economic (close trade and economic relations between Mari and Tatars, common labor activities on a collective farm in the Soviet period); cultural (joint cultural and leisure activities). Despite the fact that Tatar was hardly ever used by Mari people outside their day-to-day communication, it performed a number of functions, though: communicative, symbolic, emotional, and that of a secret language. A possible reason for the decline of the language contacts was, according to the data obtained, the weakening of trade and economic ties: the gradual replacement of horse-drawn transport by automobile; poor welfare in rural areas in the 1990s and, as a result, the outflow of population to city areas, the collapse of collective farms and the extinction of a great number of villages. Mari-Tatar language contacts that developed at school (at various stages of school education) or in intra-family communication were equally considered in the paper.

Keywords: internal Diaspora, Mari language, Tatar language, language contacts, multilingualism, Mari-Tatar bilingualism, Mari-Tatar-Russian trilingualism

1. Введение

Марийцы являются одним из автохтонных финно-угорских народов Среднего Поволжья.

На территории Российской Федерации проживают 547 605 марийцев, из них в Республике Марий Эл — 290 863 чел., остальные марийцы (46,9% от всего марийского населения РФ) проживают как компактными группами (в Республиках Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, в Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, в Пермском крае), так и дисперсными группами во многих других регионах страны, в том числе в Московском, где численность марийцев достигла в 2010 г. 4655 человек [ВПН 2010].

Марийцы отличаются сильной диаспоризацией и занимают второе место среди всех финно-угорских народов РФ после мордвы по количеству представителей этноса, проживающих за пределами своей исторической родины¹ [Кондрашкина 2016: 746].

С одной стороны, внутреннюю диаспору² на территории Российской Федерации образуют марийцы, компактно проживающие в Башкортостане, на северо-востоке Татарстана, в Удмуртии и Приуралье. Данный ареал расселения марийцев сформировался в середине XVI — первой четверти XVIII вв. вследствие усиления социального, религиозного и национального гнета, вызвавшего разного рода протесты податного населения, одной из форм которых было массовое бегство, миграции в Прикамье и Приуралье [Сепеев 2006: 188].

На новых местах марийцы вступали в определенные взаимоотношения с местным населением — татарами и башкирами; со временем язык пришлого марийского населения претерпел значительные изменения под влиянием тюркских языков и в настоящее время считается восточным наречием марийского языка [Коведяева 1976: 7].

Вместе с тем после присоединения Среднего Поволжья к России, в середине XVI — XVIII вв., значительные изменения коснулись и поволжского ареала: этническая территория марийцев несколько сузилась (известно, что в первой четверти XVIII в. в некоторых поволжских волостях численность марийцев сократилась вдвое), в рамках единого государства этнические границы размывались и расширялось чересполосное расселение народов региона, русские активно селились в нерусской среде, в том числе и на территории расселения марийцев [Сепеев 2006: 187—188].

Очевидно, что необходимость общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих друг с другом в интенсивные хозяйственные, культурные и иные связи, не только влечет за собой изменения одного или нескольких языков на разных языковых уровнях, но также приводит к смешению языков и возникновению различных видов билингвизма [ССТ 2006: 278].

С другой стороны, внутреннюю диаспору образуют марийцы, дисперсно расселенные в многонациональной среде во многих других регионах страны. Почти все они являются мигрантами советского и постсоветского периода (подробнее см. [Сепеев 2006]).

Автором статьи проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре Московского региона. Материалом послужили анкетные данные, полученные в результате опроса 100 представителей марийской диаспоры — уроженцев Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская обл.). В рамках социолингвистического анкетирования респондентам, в частности, задавались вопросы о языках, которыми владели родители или представители самого старшего поколения в их семье, а также о языках, которыми владеют сами опрашиваемые. Как выяснилось, в 34% случаев в языковой биографии респондентов оба или один из родителей или представители самого старшего поколения в семье достаточно активно владели — наряду с марийским и русским — татарским языком³, тогда как свое собственное владение

¹ При этом следует отметить, что исторической родиной марийцев является не только территория Республики Марий Эл, но и некоторые древние, исконные места обитания этноса, не входящие в ее территориально-административные границы (Нижегородская и Кировская области, Татарстан в приграничье с Марий Эл), — места интенсивной колонизации, где проживают остатки аборигенного населения марийцев, оказавшиеся в окружении более поздних татарских и русских поселенцев [Сануков 2000: 15].

² Под диаспорой мы подразумеваем совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающих за пределами основного традиционного места расселения данного народа (в том числе в рамках многонационального государства, образуя на его территории так называемую внутреннюю диаспору), объединенных общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющих свой этнический язык в качестве одного из средств общения [ССТ 2006: 57].

³ Носители марийского языка, как правило, двуязычны: по данным переписи 1989 г., свободно владеют русским языком 69,9%. Многие марийцы пользуются для общения с местным населением и третьим языком — татарским, башкирским или удмуртским [Коведяева 1993: 149]. По данным переписи населения 2010 г., в Республике

татарским языком (в разной степени — вплоть до пассивного восприятия отдельных высказываний) респонденты отмечали лишь в 15% случаев.

Основываясь на свидетельствах и воспоминаниях респондентов, автор статьи предпринял попытку, с одной стороны, рассмотреть условия, благоприятствующие возникновению языковых контактов между марийцами и татарами в прошлом, с другой стороны, изучить причины, повлекшие угасание марийско-татарского языкового взаимодействия и постепенное вымывание татарского компонента из языковых биографий марийцев.

В разделе 2 определены экстралингвистические факторы, такие как историко-географический, хозяйственно-экономический и культурно-досуговой, способствующие становлению и поддержанию марийско-татарского языкового взаимодействия. В разделе 3 отмечены предпосылки для угасания данного типа языковых контактов (в частности, сокращение общей хозяйственно-практической деятельности). В разделе 4 рассмотрены языковые контакты, возникающие при совместном обучении детей в школе (на разных этапах обучения) или во внутрисемейном общении. Раздел 5 содержит выводы по материалам статьи.

2. Предпосылки для возникновения марийско-татарских языковых контактов

Среди экстралингвистических факторов, способствующих возникновению и поддержанию марийско-татарских языковых контактов, по данным языковых биографий, следует отметить историко-географический, хозяйственно-экономический и культурно-досуговой.

В таблице 1 приводятся сведения о месте рождения респондентов, а также число лиц, указавших на владение их родителями или представителями самого старшего поколения в семье татарским языком. Данные о месте рождения представляются крайне важными в силу того, что наряду с делением марийцев на диалектные группы существует и деление на этнографические группы⁴ «с выделением в составе этнической территории марийцев нескольких этнографических районов, из которых каждый в недавнем прошлом отличался специфическими особенностями этнографического уклада, наречия и этнических связей населения» [Козлова 1978, цит. по Коведяева 1987: 19].

Таблица 1. Место рождения респондентов (выборка составила 100 человек, в подавляющем большинстве случаев родители респондентов являются уроженцами тех же мест, исключение составили выходцы из городской среды РМЭ и уроженцы ПГТ, родители которых родились в сельской местности)

Место рождения респондента	Доля респондентов в выборке	Число респондентов, указавших на владение татарским (родителями, самым старшим поколением и/или самими респондентами)
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58%	13
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13%	—
Республика Башкортостан	18%	17
Республика Татарстан	3%	2
Кировская область	5%	—
Свердловская область	2%	2
районы дисперсного расселения марийцев	1%	—

17% респондентов в выборке, отметивших владение старшим поколением в их семье татарским языком, являются, как и их родители, уроженцами Мишкинского и Калтасинского районов Республики Башкортостан. Марийцы расселены в северо-западной части республики. В Башкортостане более 240 марийских деревень, преимущественно в Мишкинском, Калтасинском, Бирском, Краснокамском и неко-

Марий Эл из 289840 марийцев, указавших владение языками, 285722 чел. владеют русским, из 23397 горных марийцев — соответственно 22600 чел.

⁴ Марийцы подразделяются на три основные субэтнические группы: горные, луговые и восточные. Горные марийцы населяют правобережье Волги, луговые — Ветлужско-Вятское междуречье, восточные марийцы живут к востоку от р. Вятка, главным образом на территории Башкирии, куда переселились в XVI—XVIII вв. [Петров 1994: 229].

торых других районах. Самая большая часть мари компактно живет в Мишкинском (более 18 тысяч человек, около 72% населения) и Калтасинском (более 13 тысяч человек, или 46% населения) районах. От конкретного района зависит, с кем проживают в соседстве марийцы — с татарами, башкирами, чувашами, удмуртами или русскими [Марийцы 2013: 140]. *«Мишкинский наш район — там в основном живут марийцы, но есть и татарские деревни. А вот там, где я живу, это граница с Бураевским районом. А Бураевский район — это полностью татарский район, получается»* (С. А., 38)⁵. *«У нас вся деревня разговаривала либо на марийском языке, либо на татарском языке. Потому что у нас были рядом татарские деревни, и вся жизнь проходила в общении между этими деревнями. С одной стороны были татары. С другой стороны были марийские деревни. То есть был такой разнобой»* (Г. И., 61). *«Как и все нормальные чи мари⁶ мои родители знали: родной язык — марийский, язык соседей — татарский, язык оккупантов — русский!»* (улыбается) (Д. Я., 63).

В 13% случаев опрошенные — выходцы из сельской среды Моркинского (7 чел.), Мари-Турекского (2 чел.), Волжского (2 чел.) и Параньгинского (2 чел.) районов Республики Марий Эл. По наблюдению этнографов, состав населения Кокшайско-Приволжского района издавна был этнически разнородным: наряду с марийцами здесь жило много русских и татар. На юго-востоке тогдашнего Царевококшайского уезда марийцы тесно соприкасались с татарским населением Кшкловской и Кулле-Киминской волостей, где татар было большинство и где мари, как правило, знали татарский язык. Некоторое количество татар размещалось среди марийцев Моркинской, Себе-Усадской и Сотнурской волостей [Козлова 1978, цит. по Коведяева 1987: 19—21]. *«В Мари-Турекском районе марийские деревни чередуются с татарскими деревнями»* (И. Г., 28). *«У нас же в Параньгинском районе — татаров много живут, ну и марийцев много. Но и сам центр Параньга — там татары. Ну так и все марийский, русский и татарский знают там. Даже вот взять нашу деревню Ильпанур. Как в школе говорили, в чистом поле встретились мариец и татарин и решили они здесь построить первый дом. И они начали спорить, кто будет строить этот дом. У кого стрела, когда будут стрелять, пройдет насквозь это дерево — тот и начнёт. Ну ладно, с утра и начнем. А мариец хитрее был — вечером, ночью, пришел, дырку насквозь дерева просверлил, заделал. С утра пришли, начали стрелять, у татарина стрела не прошла, а мариец попал точно. И стрела вылетела насквозь. Вот так и появилась наша деревня. Ильпа — это имя того человека, нур значит “поле”»* (Ю. Ф., 38). И в наши дни в республике некоторые этнические группы, в том числе татары, проживают в определенной местности (в соответствии с давним сельским расселением): так, основная масса татар (60%) сосредоточена в приграничных с Татарстаном районах: Параньгинском, Мари-Турекском и Моркинском, где имеется значительное число татарских поселений, и в г. Волжск [Народы Поволжья и Приуралья 2000: 196]. *«Родители владели татарским, потому что мы жили рядом с Татарстаном, татары от нас очень недалеко»* (А. Ч., 49, Моркинский район, РМЭ⁷).

2% опрошенных — уроженцы сельской местности в Свердловской области (Красноуфимский район) и в Республике Татарстан (Агрызский район), также проживающие в тесном соседстве с татарами. *«И еще родители оба знали татарский, потому что очень плотное окружение татар»* (О. С., 50).

В указанных выше районах следует различать два типа расселения марийцев и татар в сельской местности: во-первых, смешанная в этническом отношении одна общая деревня, во-вторых, чересполосное расположение марийских и татарских деревень.

В случае непосредственного проживания с татарами в одной «смешанной» деревне респонденты часто упоминали тот факт, что татары и марийцы занимали разные концы деревни, отдельные улицы: *«Мы жили в деревне, где жили марийцы, мордва, татары. А мы, получается, живем в том месте, где наша улица — марийская, а следующая — татарская. Целыми улицами жили. Поэтому они знали марийский и татарский. А вот мордва, когда она там жила, уже укоренялась, в этом Красноуфимском районе, она уже больше владела нашим марийским. Потому что их было малочисленно, а нас, марийцев, было больше»*. (А. Т., 51, Свердловская область). *«У нас деревня такая, что есть татарский конец, есть марийский конец. У нас на татарском конце по-татарски разговаривают, на марийском — по-марийски. Проходишь метров пятьсот и уже переключаешься на татарский»* (Э. М., 47, Башкортостан). *«Мама у меня родилась, где большинство жителей были татары. Там одна такая большая деревня, но их было большинство все равно. И жили причем, одна сторона — марийцы, другая — татары жили. У меня бабушка по маминой линии, так как она родилась в этой деревне, знала очень хорошо татарский язык. У них был дом, они рядом жили со второй половиной татарской. Татары общались на татарском языке. С моей бабушкой. Она прямо с татарами очень даже общалась!»* (Р. Н., 29, Мор-

⁵ В скобках приводятся инициалы респондентов и их возраст.

⁶ Чи мари — некрещеные марийцы, соблюдающие древнемарийскую веру [Марийцы 2013: 297].

⁷ Здесь и далее в скобках указано место рождения респондента на малой родине.

кинский район, РМЭ). В некоторых случаях проживание было действительно смешанным, и в непосредственном соседстве с респондентом и его семьей на одной улице жили татарские семьи.

Чересполосное расположение марийских и татарских деревень также способствовало установлению марийско-татарских языковых контактов и овладению марийцами татарским языком — как в Башкортостане, так и в РМЭ, в районах с высокой плотностью татарского населения: *«Мать и отец знают татарский, потому что у нас в соседней деревне живут татары. И они всю жизнь раньше общались, получается, с татарами. Поэтому они на татарском легко разговаривают. Да они татарский знают даже лучше, чем русский!»* (Э. З., 47, Башкортостан)⁸.

Немаловажным кажется расстояние между деревнями. Например, дистанция в несколько километров (от одного до трех километров, по свидетельству респондентов) не была преградой для естественного общения между деревнями: *«Знаете, у нас соседняя деревня была. Наш район граничит с Татарией, три километра от нас. Раньше, когда я маленькая была, помню, наши родители очень хорошо общались, дружили с татарами. И они тоже к нам ходили, и наши родители ходили. Я очень хорошо помню, они как бы... родственники как бы, как родня — так тетя считала. Я в семье была старшей дочкой, она иногда раз в месяц всегда меня брала, и мы с ней в татарскую деревню ходили в гости»* (Т. М., 51, Моркинский район, РМЭ). *«Родители мои татарский не знали, дело в том, что татарские деревни находятся далеко от нашей, примерно на расстоянии шести километров. А вот деревни — марийская Усола и татарская Поле-Кугунур — в километре друг от друга, там татары до сих пор очень хорошо разговаривают на марийском, а марийцы на татарском»* (Ю. Л., 56, Параньгинский район). Между тем изолированное положение деревни даже в густонаселенной татарами местности служило препятствием для возможного усвоения марийцами языка соседей: *«Люди жили целой деревней и разговаривали только на марийском. Все мое окружение были только марийцы, потому что деревни — следующая и другие — были марийские, до поселка, до райцентра было тридцать километров. Это такая глушь-глушь! В Моркинском районе, чтобы ко мне доехать, нужно было три дня на оленях! Только недавно дорогу сделали асфальтовую! В поселке нам встречались татары, но с ними уже общались на русском»* (В. К., 37).

Кроме того, важным моментом для поддержания языковых контактов следует считать также и наличие хороших, добрососедских отношений между представителями данных этнических общностей, проживающих как в пределах одной деревни, так и в соседних населенных пунктах. *«Жил я с бабушкой, татарским она владела в совершенстве, потому что у нее все подруги в деревне — татарки, они к ней постоянно заходили, естественно, очень много подруг, под старость уже заходили. Поэтому она владела в совершенстве татарским»* (Ю. М., 60). *«Вот раньше, как было? Мы же на границе с Татарией живем, наши родители дружили с другими татарскими семьями, они друг к другу в гости приезжали. Ихние вот уже тоже многие ушли из жизни, там уже мало осталось, ну, вот они раньше общались, друг к другу в гости, и обычно, они к нам когда приезжают, мои родители с ними только на татарском»* (И. И., 56).

В отсутствие дружеских или приятельских отношений, как следует из приведенных ниже примеров, члены этнической группы еще в недавнем прошлом придерживались каждый своего языка, даже при условии проживания в одной деревне или в соседних деревнях, и языком общения выступал русский как язык межнационального общения: *«Деревня марийская у нас. Соседние деревни, да, тоже марийцы. Татарские деревни тоже рядышком, но оттуда никто не приходил, не приезжал. С татарами мы общались по-русски уже. Работали как-то раз в татарской деревне. Мы на русском общались. Они между собой на татарском, а мы — на марийском»* (Р. А., 25, Татарстан).

Вторым фактором, благоприятствующим возникновению и поддержанию марийско-татарского двуязычия, следует считать хозяйственно-экономический и производственный.

Исстари, по замечанию респондентов, марийцы поддерживают достаточно тесные торговые и хозяйственные отношения с татарами. По воспоминаниям опрошенных, *«много связей было»*, среди прочих респондентами были отмечены следующие: *«татары валенки нам везли», «в Татарстан гнали лес, ягоды, грибы, всякое добро», «татары к нам приезжали покупать гусей, всякую живность — баранов, например», «у татар была мельница, к ним часто наше старшее поколение ездили», «приезжают татары, допустим, привозят что-то продавать, зерно или что-то еще, у них же закупают поросят», «татары всегда приезжали, покупали скот», «бабушка с дедушкой по отцовой линии торговали в основном*

⁸ Приведем выдержки из описания языковых ситуаций в тюркоязычных республиках Российской Федерации, в частности в Башкортостане и Татарстане: *«Национально-тюркское двуязычие также более распространено в сельской местности ввиду более длительного совместного проживания контактирующих народов, их общей трудовой деятельности и худшего, чем у горожан этих же народов, владения русским языком»* [Баскаков, Насырова 2000: 70—72].

крупным рогатым скотом, гуси, мед — продавали татарам, покупали у них одежду, там — галоши, сапоги. Есть даже такое выражение “суас⁹ галоши”, так как у них там завод производства резиновых изделий. Дед по маминной линии продавал туда смолу и мед, у нас был смоляной завод» (А. В., 29). «Дедушка у меня знал татарский, он был более склонен к общению с татарами на татарском, чем бабушка. Она не знала, а вот он выращивал лошадей, поэтому, думаю, это тоже повлияло. Татары интересовались, чем он занимается, и наверное, покупали. Знаю, что к нему приходили, интересовались» (И. Г., 28).

Естественно, марийцы, поддерживающие торговые отношения с татарами, владели в той или иной степени татарским.

Кроме того, через марийские и татарские деревни в прошлом проходили торговые пути на Казань, товары перевозились гужевым транспортом, путь был долгим и занимал несколько дней, отсюда возникла необходимость остановки на ночлег у знакомых. «Люди на лошадях ездили, останавливались в деревнях у знакомых. И там ночевали. То есть это не одного дня был путь. И соответственно, так повелось из поколения в поколение. И старшее поколение — тем больше они знали, и на татарском абсолютно точно также разговаривали, как на родном своем марийском языке» (В. Н., 67).

Отдельное замечание стоит сделать относительно необходимости посещать один и тот же магазин. В том случае если торговая точка оказывалась в силу обстоятельств общей и располагалась на татарской стороне, марийцы, согласно данным языковых биографий респондентов, осваивали татарский: «Вот как раньше было? Марийцы жили бедно, так было. А татары были как-то зажиточнее. (...) Марийцы ходили к ним в деревню» (Т. М., 51). «Татарский знают только мои родители. Раньше вот, если родителям приходилось ездить в те же магазины или куда-то. Они чаще с ними общались. И поэтому им надо было как-то друг друга понимать, и они... Как мама рассказывала. Что-то надо купить, например, в нашем магазине нет, а у них есть. И мы, говорит, ездили туда, в соседнюю деревню, к татарам. Как-то вот так! То есть у них частое было общение» (Э. З., 47). Однако, если магазины были у каждого свои, кажется, отпадала и необходимость выстраивания марийско-татарских языковых контактов: «Татарский в моей семье никогда не знали. То есть чисто какие-то слова отдельные знали, но не так, чтобы татарский в целом. Они не понимали, о чем они говорят. Просто наша деревня, она подразделяется на две части, так скажем. Одна часть, она ближе к Татарии, другая — она просто разделена речкой. В какой-то степени так было всегда. У каждой свой магазин. В принципе... как бы совершенно разные деревни. Они знают такие слова, как “магазин”, так как деревня татарская рядом, кто-то заезжает в деревню, и там надписи висят. А в целом из моих никто не знает татарского. Думаю, что татары, как и марийцы, чисто некоторые слова знали, и все. Они общаются через русский» (Е. М., 22, Волжский район, РМЭ).

Существенное значение для марийско-татарских языковых контактов, помимо длительного совместного проживания, имело также ведение общей трудовой деятельности — в частности, в советское время в рабочих коллективах в колхозах. «Когда работаешь вместе с людьми, когда общаешься с ними, тогда быстро обучаешься» (В. Ш., 71), «работая совместно с татарами, они разговаривали на том языке, на котором удобно» (В. А., 62), «все связано с тем, что было совместное хозяйство в одном колхозе, у них, допустим, есть один парк, то есть они все собирались, так или иначе общались. А там уже — что марийский, что татарский, в принципе все смешивалось» (Ю. М., 60). Наиболее интересным представляется эпизод, описанный одним из наших респондентов, однажды ставшим свидетелем проведения общеколхозного собрания: «Вот у нас такая была ситуация. Идет общее собрание, битком набитый зал клуба. И выступающие. Это самый яркий пример, который я помню. Татарин был председателем колхоза, он выступает. На русском делает отчет. Переходит на татарский, переходит на марийский. Они все владели этими языками. А зал спокойно реагирует. А потом начинается обсуждение, выступающие начинают говорить на марийском, потом переходят на русский, потом на татарский. Вот все вот так, и абсолютно все нормально воспринимают. Все это дело знали. Я как раз тогда работал в обкоме партии. И со мной вместе на этом отчетно-выборном собрании колхоза присутствовал первый секретарь райкома партии. Поскольку я был ответственным за проведение этих мероприятий по тому району, я его сопровождал, а он такими круглыми глазами смотрит на меня. И потом он меня спрашивает: “А как это происходит? А чего они — понимают, что ли, друг друга?”. Я говорю: “Не волнуйтесь, они всё абсолютно понимают!”». (В. Н., 67, Моркинский район, РМЭ).

Сферы функционирования многоязычия главным образом ограничиваются устным бытовым общением и неквалифицированной трудовой деятельностью в силу того, что, как правило, в большинстве случаев полилингвы владеют одним, реже двумя (родным и русским) языками в их литературной форме и третьим и четвертым языками в форме просторечия [Баскаков, Насырова 2000: 72]. Приведем пример:

⁹ Суас (лугомар.) — татарин.

«У себя в деревне я только на марийском, а на стороне, ну если где-то по работе в колхозе, то у меня сборная речь. Ну, вот я механиком работал, мне все-таки легче по-русски объяснить по работе, потому что я же не татарин, я разговариваю с ними, конечно, на татарском, но некоторые вопросы — все же не объяснишь, не умею просто! Где-то я по-русски с ними, где-то по-татарски. Если не знаю, по-русски скажу» (И. И., 56).

Более того, в ряде случаев респонденты называли и более квалифицированные профессии, представители которых в какой-то мере были обязаны владеть и татарским языком (это касается в основном Башкортостана, где татарский язык, несомненно, находится на пике языковой иерархии среди других языков народов РФ, представленных в регионе, см. [Сафин, Сабирова 2018]) : «Татарским — папа. Он госслужащий, он вынужден, он ездит во все населенные пункты как бы, и он вынужден знать. Во-первых, это. Во-вторых, я разговариваю на татарском, я все прекрасно понимаю, я работала в свое время среди татар, в татарских школах» (Н. М., 41).

Наконец, ввиду проживания марийцев в татароязычном окружении как в некоторых районах республики, так и за ее пределами существенным представляется такой фактор, как совместная культурно-досуговая деятельность. С одной стороны, это неформальное общение марийцев и татар в ходе проведения спортивных мероприятий и занятий в спортивных секциях на малой родине: «Одно время, когда я после школы учился, занимался лыжами, у нас в сборной были одни татары. И вот куда-то мы поехали на сборы, и целый месяц я с ними постоянно общался. И я их уже понимал! Говорил — и они меня понимали! Говорил. Пусть плохо говорил, но они меня понимали» (Г. Д., 56). «Отец мой знает татарский от обывательской беседы и спорта. Он занимался в юности в секции борьбы татаро-башкирской көрәши, пять лет подряд брал барана на көрәши у нас в Морках. Когда общались в компании, они говорили по-татарски, он отвечал им по-русски. Когда я сам бывал в детстве в деревне, иногда заходили ребята из татарских деревень поиграть. Вместе играли в футбол. Пассивно, но все равно слышал татарскую речь. У меня сосед, когда я жил в общежитии в институте, был один татарин из Нижегородской области, так вот, когда он разговаривал с родителями на своем языке, я понимал в большинстве своем» (А. В., 29).

С другой стороны, приобщению марийцев к татарскому языку способствовали и общие культурно-досуговые мероприятия: «Вместе живем, у нас даже никакой разницы нет — татары или марийцы. Вот до такой степени привыкли между собой, ну, имеется в виду, в нашей деревне! Все праздники у нас вместе. У меня мать еще жива, в прошлом году возил ее на сабантуй к подругам в соседнюю деревню. Мы еще выступаем, у нас культурный ансамбль. И вот мы с концертами, я тоже бывший участник. Мы ездили выступать в татарские деревни, в такие деревни, совместные, где татары и марийцы живут. Правда, у нас их малое количество, но они участвовали в наших коллективах, потому что в школу вместе ходили, и совместные концерты выставляли, выступали, в те времена, в 1980-е годы, и тогда же ездили в татарские деревни. С нами вот один татарин, ему уже 51 год, сколько лет мы уже вместе выступаем, мы с ним по-татарски поем. Я знаю, ну как... выучил. Мы с ним выступаем на татарском, он поет по-марийски, танцует, ну так... вот все у нас как-то воедино! Я когда еще студентом был, я выучил татарские песни! И заинтересованность была! Она же мелодичная такая, татарская песня! Я выступаю и на застольях, и на концертах, бывает, просят, чтобы песню эту исполнил. И марийцы, друзья-товарищи, просят, это больше для разнообразия!» (И. И., 56). Отметим также, что в ходе социолингвистического опроса у респондентов спрашивали, песни на каких языках они любят слушать или исполнять: некоторое количество ответов, особенно в случае если на малой родине респондент проживал в соседстве с татарами, пришлось и на татарскую песню.

По нашим наблюдениям, при условии проживания в татароязычном окружении владение марийцами языком соседей — татарским — по свидетельству респондентов, уроженцев Моркинского района РМЭ, было в какой-то степени необходимым («Язык надо было знать, это была как бы необходимость», «раньше, наверное, было даже обязательно, как-то принято», «они считали это обязательным — выучить именно татарский язык», — неоднократно подчеркивалось ими в ходе интервью), тогда как по мнению уроженцев Башкирии знание татарского было скорее нормой и воспринималось ими совершенно естественно.

Несмотря на то что подобный тип двуязычия с компонентами тюркского и нетюркского языков носит ограниченный, преимущественно групповой и локальный, характер и «не имеет сколько-нибудь важного социального значения за пределами бытового общения» [Баскаков, Насырова 2000: 70—72], в ходе социолингвистического анкетирования нами был установлен ряд функций, которые выполнял татарский язык, по свидетельству опрошенных.

Во-первых, это, бесспорно, коммуникативная функция — ввиду тесного многовекового проживания с татарами, о чем мы подробно говорили выше: «Бабушке и дедушке приходилось общаться с татарами,

которые не знают русского языка. Они все рядом проживали. Недалеко. Они просто разговаривали, так, чисто пообщаться. Может, приезжали на какие-то мероприятия» (О. И., 30).

Во-вторых, татарский использовался марийцами и в символической функции, с целью выказать свое уважение, причем, по словам респондента, это уважение могло быть обоюдным и татары, в свою очередь, могли переходить на марийский: «В селе — если татары приезжали к нам, но они и жили рядом с нами, мои родители могли с ними говорить на татарском, но они могли отвечать на марийском. Тоже очень интересное явление, кстати! Они могли отвечать на марийском, а мои родители с точки зрения уважения — на татарском. Это было очень интересно наблюдать, когда твои родители — мари и разговаривают на татарском, а эти татары с таким большим акцентом, пусть даже и неправильно, но они говорили на марийском!» (Л. К., 27).

В-третьих, татарский использовался в качестве тайного языка. С одной стороны, марийцы, главным образом башкирские, использовали во внутрисемейном общении татарский в функции тайного языка с целью обсудить какие-то «взрослые» темы при детях, которые, как правило, слабо владели татарским или вовсе им не владели (о чем мы будем говорить ниже): «Между собой родители — очень интересно было. Ну так-то между собой они разговаривали по-марийски, а если какие-нибудь секреты, чтобы мы не понимали, они по-татарски разговаривали!» (И. Е., 53). «Бывало и такое, что родители секретничали на татарском» (О. М., 36). С другой стороны, знание татарского было очень важным с точки зрения ведения переговоров о покупке и продаже товаров и последующего заключения торговых сделок: «Также я помню по рассказам своей бабушки, марийки, о том, что она тоже знала татарский язык, знала татарские слова, потому что раньше в основном за покупкой скота приезжали татары. И чтобы... как бы не было... не стать обманутой, либо как-то наоборот найти с ними общий язык очень многие в деревнях знали, вот марийцы — и татарский, и удмуртский языки. Поэтому если приезжали за скотом, то она умела с ними разговаривать, торговалась, либо наоборот, поднимала цену» (Е. В., 33). «Почему еще раньше, мама рассказывала, обязательно как бы... ну, они считали обязательным выучить именно татарский язык, потому что у нас, допустим, татар считают намного умней, хитрее, они могут обмануть... И если ты их язык будешь знать, ну, в общем.... Пригодится! Вот поэтому!» (Л. К., 27).

Наконец, марийцы употребляли татарский и в эмоциональной функции: «У меня бабушка, так как родилась в этой деревне (где большинство — татары. — М. К.), она знала очень хорошо татарский язык. Даже иногда и матом ругалась! И дедушка у меня, кстати, тоже, по маминой линии тоже и разговаривал. И матерились, и все остальное! Просто, помню, например, что-то не получалось у дедушки, он был плотником, он там раз: по-татарски [CENSORED]¹⁰ скажет. Он периодически это выражение употреблял. Моя бабушка общалась с соседями, допустим. Она прямо с татарами очень даже общалась. Бывало, что даже и ругались между собой, и все остальное. Она очень хорошо знала» (Р. Н., 29).

Что касается самих татар и возможного владения ими марийским, то респонденты в ряде случаев отметили, что татары, проживающие в их местности, довольно хорошо владели марийским, при этом следует особо оговорить, что это были отдельные семьи, проживающие среди большинства — мари, в том числе и в районах, где скудно представлено татарское население, к примеру в Горномарийском районе РМЭ: «У нас в основном только горные марийцы. Вот одна семья была, но говорили они, что они — суас, суас, значит, татары. Но они говорили на горномарийском. У нас все говорили на горномарийском» (Н. Н., 52, Горномарийский район, РМЭ). «Шаранжа — подавляющее большинство, так, навскидку, 95% — наверное, это марийцы. Остальные пять процентов — есть несколько русскоговорящих человек, есть татары. С татарами на марийском. Они свободно говорят на марийском, на татарском и на русском» (М. Е., 31, Моркинский район, РМЭ). «Некоторые татары — они уже знали марийский, они уже с нами разговаривали на марийском. Так как марийцев было больше, все-таки они под действием марийского языка, выучили марийский» (Л. К., 27, Моркинский район, РМЭ). «Полностью марийская деревня была наша. И еще в нашей деревне была одна татарская семья. Когда-то переехали, но они уже стали марийцами, считай. Полностью по-марийски. Родители, бабушки, может, по-татарски, но дети — только на марийском. Но татарский тоже они знали, наверное» (И. Е., 53, Башкортостан). «Деревня полностью марийская. Семья была одна татарская, одна русская, одна чувашская. Но они как бы знали свой родной язык и плюс марийский язык они все знали. То есть так они на своем разговаривают, а на улицу выйдут и на начинают разговаривать по-марийски» (А. М., 44, Башкортостан).

Другие указывали на, вероятно, пассивное владение татарами марийским: «Татары ведь тоже понимали марийский язык» (В. Ш., 58). «А татары, между прочим, тоже немножко понимали марийский язык. Но они говорили, что для них почему-то было сложно освоить марийский, кстати. А вот все ма-

¹⁰ Респондент употребил грубое ругательство на татарском языке.

рийцы, живущие там (Красноуфимский район, Свердловская область. — М. К.), знали татарский и всегда общались на татарском языке» (А. Т., 51).

В подавляющем большинстве случаев опрошенные заявили о том, что татары редко знали марийский язык, во всяком случае гораздо реже прибегали к использованию языка соседей, чем сами марийцы. «Ну, скорее всего, марийцев больше было, которые знали татарский» (А. Ч., 49). «Татары, наверное, более лентяи» (Р. Н., 29). Безусловно, не последнюю роль здесь играла иерархия языков и языковой престиж татарского в сравнении с другими языками в регионе: «В нашем районе в основном больше мари, русские были, удмурты проживали достаточно много, татары, мордва проживали. Вот примерно такой контингент. То есть деревнями такие национальности. Большинство по-русски общались, с татарами мы могли общаться на татарском. Татары редко знали марийский язык. Вот поколение моих родителей — все знали точно три языка, и с удмуртами, если рядом жили, то и удмуртский знали. Ну вот удмурты, как и татары, тоже марийский — не особо! А мари старались как-то языки соседей изучать и с ними общаться на этих языках» (В. Ш., 70). Кроме того, респонденты подчеркнули приверженность татар своему этническому языку и склонность намного чаще пользоваться им в межъязыковых контактах, чем марийцы, предпочитающие в такой ситуации переходить на язык межнационального общения — русский. «Татарская деревня — соседняя, татары — они как-то обособленно. С татарами — по-русски. Но вот татары — они постмелее, у нас как-то более этично, если мы, марийцы, понимали, что они не понимают там. Мы всё равно старались разговаривать на русском. А татары — они не церемонились, они всё равно на своем. Они вот не стеснялись. Они... даже если мы не понимаем, они всё равно на своем. Они постмелее» (А. С., 50). «В деревнях так: они всегда на своем языке разговаривают, на русском там мало. Так уже заведено» (И. И., 56).

Одновременно приводим сравнительные данные Всероссийской переписи населения 2010 г. относительно владения марийцами разных регионов страны татарским языком и татарами — марийским [ВПН 2010]¹¹. Как видим, татары, проживающие в РМЭ, в большей мере владеют марийским, чем республиканские мари — татарским. При этом по всем остальным регионам компактного расселения марийцев, где они соприкасаются с татарским населением, марийцы лидируют по владению языком соседей.

Таблица 2. Число татар, указавших на владение марийским, по регионам РФ

Субъект РФ	Число татар, указавших владение языками	Число татар, указавших на владение марийским языком	Доля лиц, владеющих марийским языком
Республика Марий Эл	38228	1337	3,4%
Республика Башкортостан	1005404	1400	0,14%
Республика Татарстан	2005937	691	0,03%
Свердловская область	143803	102	0,07%
Кировская область	36457	90	0,24%

Таблица 3. Число марийцев, указавших на владение татарским, по регионам РФ

Субъект РФ	Число марийцев, указавших владение языками	Число марийцев, указавших на владение татарским языком	Доля лиц, владеющих татарским языком
Республика Марий Эл	289840	1568	0,54%
Республика Башкортостан	103271	20582	19,9%
Республика Татарстан	18803	5609	29,8%
Свердловская область	23756	902	3,7%
Кировская область	29559	552	1,8%

Некоторые опрошенные также выразили мнение, что марийцам «легче», «проще» выучить татарский: «У нас в языке очень много диалектных слов именно татарских» (Л. К., 27).

¹¹ В советское время в переписях населения можно было указать лишь один язык, кроме родного, которым человек свободно владеет. «Между тем некоторые народы отличаются массовым трехъязычием. Наиболее многочисленные из них — башкиры, многие из них владеют башкирским, русским и татарским. В Башкирии самую большую этническую группу составляют русские (39,3%), на втором месте — татары (28,4%), на третьем — башкиры (24,5%)» [Беликов, Крысин 2016: 178].

Начиная с VII в. н. э. марийцы находились в постоянном контакте с тюркскими народностями, и марийский язык испытал очень сильное влияние тюркских языков. Тюркские языки оказали определенное влияние на грамматический строй марийского языка (заимствование некоторых грамматических формантов и моделей, союзов) и послужили источником многочисленных лексических заимствований. В основном они относятся к области земледелия, скотоводства, общественной жизни [Коведяева, Николаева 2001: 282]. Именно из татарского языка пришли некоторые названия частей тела, растений, птиц и животных, понятия, связанные с материальной культурой и духовной жизнью, названия орудий труда и предметов быта, качеств и свойств, действий и состояний [Коведяева 1993: 163]. *«Мы некоторые-то слова знаем, у нас даже слова-то схожие с ними есть. Вот — здравствуйте — “салам”! У них тоже “салам”. Потом вот — яблоко, “алма” — “алма” у них тоже вот. Такие схожие слова»* (С. П., 60) (подробнее о марийско-татарских языковых контактах, в частности о заимствованиях из татарского языка, см. [Исанбаев 1989]).

В результате миграций марийцев их «длительное (на протяжении нескольких столетий) контактирование с тюркоязычными народами Поволжья, а затем более восточными по занимаемой территории башкирами привело к развитию в марийском восточного диалекта» [Коведяева 1987: 17—18]. На новых землях на территории Татарстана, Удмуртии, Башкирии, Пермской области марийцы вступали в тесный контакт с татарами и башкирами, и тюркизмы широким потоком стали вливаться в язык пришедшего марийского населения [там же]. *«У нас помесь там в Башкирии — одна деревня марийская, другая татарская. Все там смешались! У нас уже и языки смешались, мы говорим наполовину татарские, наполовину марийские. Там у нас все уже смешались, все женятся друг на друге, поэтому вот так!»* (О. М., 36). *«У нас же все равно в Башкирии диалект другой, он более смешанный с татарами. Но все равно с луговыми у нас больше похожести, ну, просто у башкирских мари есть в языке немножечко татарских слов. Даже не немножечко, а прям — прилично! Но в татарском это, кстати, помогает»* (Т. К., 32).

Таким образом, среди факторов, способствовавших в относительно недавнем прошлом установлению и поддержанию марийско-татарского языкового взаимодействия, нами были выявлены следующие: историко-географический (чересполосное расположение марийских и татарских деревень или одна общая, «смешанная» деревня); хозяйственно-экономический и производственный (тесные торговые и хозяйственные отношения между марийцами и татарами, наличие общей торговой точки на татарской стороне, ведение общей трудовой деятельности в советское время в колхозе); культурно-досуговый (совместная культурно-досуговая деятельность). Несмотря на то что использование марийцами татарского языка тяготело к бытовому общению, татарский употреблялся респондентами в целом ряде функций: не только коммуникативной, но и символической, эмоциональной функции, а также в функции тайного языка.

3. Причины угасания марийско-татарских языковых контактов

Несмотря на то что еще в недавнем прошлом, как выяснилось, марийцы поддерживали достаточно интенсивные языковые контакты с проживающими по соседству татарами, в настоящем число респондентов, указавших на владение татарским, уменьшается примерно вдвое в каждой когорте (см. данные, приведенные в таблице 4).

Таблица 4. Владение татарским языком по данным языковых биографий респондентов в выборке

Когорта в выборке	Число респондентов в когорте	Владели татарским родителями (или представители самого старшего поколения в семье)	Владеют татарским респонденты в выборке
21—30	31	8	4
31—40	26	6	3
41—50	14	6	3
51—60	20	9	2
61—70	9	5	3

Одной из причин является, по словам опрошенных, отсутствие необходимости в установлении данного типа контактов: *«Ну а мне-то по-татарски зачем надо?»* (А. К., 60), *«раньше это была необходимость, сейчас как таковой ее нет»* (А. В., 29), *«не было у меня такой, как у родителей, возможности и нужды учить»* (Э. З., 47), здесь подразумевается ослабление торгово-хозяйственных связей между представителями этнических групп. С одной стороны, постепенно произошел переход от гужевого способа

перевозки товаров к более быстрому — при помощи автомобильного транспорта, соответственно, исчезла необходимость останавливаться на ночлег в татарских деревнях, ведь торговый путь занимал теперь значительно меньше времени. С другой стороны, в 1990-е годы вследствие новых условий хозяйствования в трудном положении оказалось сельское хозяйство, в частности в Республике Марий Эл, все его отрасли стали убыточными, сократились посевные площади и поголовье скота, ухудшилось материальное благосостояние сельского населения [Иванов, Сануков 2015: 281]. *«У меня мама татарский знает. Ну не все прям, но по-татарски раньше понимала, могла что-то сказать. У нас все-таки раньше деревня была достаточно оживленной, там несколько деревень связывал колхоз, где они все вместе работали. Ну, у них был русский, татарский, марийский, все всё знали, все как-то уживались»* (Н. В., 28). *«У нас раньше в колхозе и марийцы, и татары работали. И так — целые бригады были. И вопрос, на каком языке общаться, он просто не стоял. Никогда! А сейчас, это в 90-х годах, все это порушилось, порушились все эти связи, значит»* (В. Н., 67). В отдельных случаях трудовая жизнь респондентов или их родителей, в отличие от представителей самого старшего поколения в семье, проходила в «чисто марийском» колхозе: *«Дед знал татарский, а родители не знали, потому что они не общались с ним и — и все. А дед по работе общался, он был председателем колхоза, поэтому знал. Но родители работали в колхозе чисто марийском»* (А. М., 44).

Кроме того, ввиду непростых социально-экономических условий происходило постепенное вымирание отдельных деревень, увеличивался отток сельского населения в более крупные населенные пункты, что, в свою очередь, влияло на языковые контакты. Республиканские мари, которые родились и выросли в более крупном населенном пункте: в районном центре, поселке городского типа или в городе, общались с представителями других этнических групп, в том числе и с татарами, на русском¹². *«Мы с мужем работать поехали в Октябрьский. В молодости. Там и дети родились. Там же разных национальностей: там и чувашки, и русские, и татары, и немцы — все есть! На русском языке у нас-то в поселке было!»* (С. П., 60, Моркинский район, РМЭ). *«Русский язык в Йошкар-Оле, национальности я значения не придавал. В основном были русские, сказать, что кто-то из них был выраженный мариец, не могу. Но помню, девочку татарку, я позже только понял, что Сафина — это татарка, когда начал выступать Марат Сафин»* (Е. С., 39).

Примечательно, что аналогичная языковая ситуация наблюдалась и в местах компактного расселения марийского этноса в Башкортостане, где, тем не менее, согласно результатам переписи 2010 г., зафиксирован самый высокий процент владения марийцами татарским языком (19,9% от числа марийцев, указавших на владение татарским, ср. в РМЭ — 0,54% [ВПН 2010]). *«Папа татарский не знает, а мама знает. Потому что папа — из поселка, а мама с маленькой деревни. Рядом с той деревней была татарская, естественно, она выучила татарский язык»* (Т. К., 32). *«Мама с райцентра, села Мишкино. Там десять тысяч населения. Получается, многонациональное. Мишкино. Опять-таки — татары, башкиры, удмурты там. Сейчас уже больше на русском там»* (Э. З., 45). *«Потому что мы все-таки живем в Мишкино, в самом селе, там не только марийцы живут, там разные национальности, татары, башкиры, у нас принято разговаривать на русском языке, и поэтому все разговаривают. В школе обучение на русском, и на работе — на русском. И в семье — на русском всегда с детства у нас разговаривали»* (О. И., 30).

По убеждению наших респондентов, *«если бы в нашей среде не было русских, а одни марийцы и татары, тогда бы марийцы изучали татарский язык, а татары бы немножко знали марийский»* (А. Т., 51).

Таким образом, возможной причиной угасания марийско-татарских языковых контактов стало, согласно данным, полученным в ходе социолингвистического обследования, ослабление торгово-хозяйственных связей: постепенная замена гужевого транспорта автомобильным; ухудшение в 1990-х гг. материального благосостояния на селе и как следствие — отток населения в более крупные населенные пункты, распад колхозов и вымирание отдельных деревень.

4. Татарско-марийские языковые контакты в школе и в семье

Выше мы говорили о хозяйственно-практической деятельности, которая объединяла представителей данных этнических групп и, таким образом, способствовала установлению и поддержанию марийско-татарских языковых контактов. В этом разделе речь пойдет о контактах, которые возникали при совме-

¹² Представители совершенно разных народностей появились в республике Марий Эл в основном в 1930—1940-е гг. в процессе индустриализации и в годы ВОВ в связи с эвакуацией промышленных предприятий и населения с временно оккупированных территорий. Русское население в большинстве случаев остается одноязычным. Функциональная и демографическая мощь марийского и русского языков неодинаковы, поскольку русский — язык с глобальными социальными функциями [Кондрашкина 2016: 746—749].

стном обучении детей в школе или во внутрисемейном общении при условии, что один из членов семьи был татарин.

По результатам опроса нами были определены различные модели и этапы школьного обучения, при которых марийские и татарские школьники могли учиться совместно, а значит приобщаться к этническим языкам друг друга.

Наиболее благоприятным, во всяком случае для усвоения марийцами татарского, представляется вариант, при котором первые проходили обучение, по их словам, в татарской школе. *«Начальная школа была татарская. Это же Башкирия, я начал в школе изучать татарский язык. Вся начальная школа была на татарском! В классе было половину марийцев, половину татар. На перемене был и татарский, и марийский. В то время в начальной школе был русский язык как предмет, изучали. До третьего класса у меня было все по-татарски»* (Э. М., 47). *«Отец татарский понимает, так как его деревня находится на границе (с Татарстаном. — М. К.), в свое время он учился в татарской школе, ведь до ближайшей школы в Марий Эл было дальше идти!»* (А. В., 29).

В случае совместной учебы марийских и татарских детей на всех этапах обучения при дружеском общении (при посредничестве русского языка, однако) возникали подходящие условия для зарождения марийско-татарских языковых контактов, при этом в школе в качестве языка обучения выступал русский, а соответствующие этнические языки преподавались в качестве предметов. Важным представляется интерес и любопытство, которое дети проявляли в отношении языка соседей. *«Дело в том, что научились те, кто в школу ходили в один класс, допустим. Они пока дойдут до той деревни, где школа, соответственно, собираются, пока в школу идут, из своей маленькой деревни, туда и обратно. Таким образом, у них язык закрепляется. То есть, где массово, то говорили на русском, но, если вот идут два друга, татарин и мариец, со школы домой, по полям да по лесам, ну... соответственно, они каждый на своем, и друг другу начинают... для интереса учатся. Но русский в любом случае встречается. Русский как дополняющий в любом случае»* (Ю. М., 60). *«А в целом, откуда я родом, из села, мы очень тесно взаимодействовали с татарами. В школьные годы я как-то могла что-то сказать в ответ, я понимала, где-то 20—30 процентов, что они говорят. У нас были смешанные классы, марийцы и татары — все вместе учились. В нашем классе, допустим, человек 25 было, их где-то было шесть-семь детей. Мы изучали марийский родной, а они татарский параллельно. Когда нам что-то нужно было узнать, или, допустим, мы какое-то слово услышали, нам оно интересным показалось, мы перевод спрашивали у них. Потом сами могли использовать в какой-то речи. Они знали марийский, и мы — татарский. Допустим, они секретничали, мы могли понять о чем. Они понимали, что мы понимаем, но пытались скрыть, но мы-то им сразу говорили: “Ага, вот вы о чем сейчас!”. Что-то в этом роде!»* (Л. К., 27).

В других случаях респонденты обучались в начальной школе с национальным уклоном в своей деревне, слияние классов с марийскими, татарскими школьниками и учащимися других национальностей происходило либо при переходе в среднюю школу, либо уже в старших классах¹³. В этот период, в отличие от *«детского возраста»* (начальной школы. — М. К.), по мнению респондента, *«стимула как такового уже нет изучать язык соседей»*, все стремятся так или иначе освоить русский язык, *«в таком возрасте уже преимущественно русское общение»* (Ю. М., 60). *«В начальной-то школе было все на марийском языке. До четвертого класса. Русский язык где-то с третьего-четвертого начался. Первоначально только почти на марийском изучали мы все. Начальная школа у нас всегда в деревне была, а потом уже с пятого класса мы в среднюю школу переходили. Село уже было там. Параньгинский район считается татарским, у нас в ту школу ходили татары, две деревни, и марийцы, марийская деревня, и русская деревня. Татаров немного было, мы с ними на русском, а между собой на марийском. Все было с*

¹³ Согласно закону «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), родители получили право выбирать школу обучения, в том числе и в зависимости от языка (реально такой выбор существовал только в городах). Высшее образование можно было получить лишь на русском, именно ему отдавали предпочтение родители, имея в виду повысить шансы своих детей на социальную мобильность, на успешную карьеру в будущем. В результате менялись программы, серьезно пересматривалось содержание образования, почти повсеместно в РСФСР началась русификация образования, количество национальных школ, особенно на селе, уменьшалось, снижался возраст, до которого на национальном языке можно было получить образование, при этом часто ухудшалось качество преподавания в национальной школе и за счет учебных пособий, и за счет кадров. В начале 1960-х гг. обучение в РСФСР велось на 47 языках, через 10 лет — только на 30. Полная начальная школа функционировала на чувашском, еще на девяти языках обучение заканчивалось в третьем классе, в том числе на двух марийских. В Башкирии, где татары преобладают над башкирами, еще в середине 1960-х гг. доля татарских и башкирских школ соотносилась с численностью самих народов, затем количество татарских школ резко сократилось [Беликов, Крысин 2016: 301—302].

пятого класса на русском языке. У нас в нашей школе с четвертого класса начали уже гонять. Ну, не то чтобы гонять, но нам говорили: “Вот пойдете там в деревню, в соседнюю школу. Там будете изучать по-русски, там вам будет тяжело”. И мы словарями учили каждые русские слова» (З. Е., 65). «К нам с пятого класса уже перекинули с соседних деревень, татар перекинули. Поэтому уже больше на русском говорили» (М. Е., 31). «У нас в деревне только до девятого класса была школа. Потом в село ездили. В соседнее. Но там уже русская школа. Там уже учителя все русские были. Ну, вот когда мы в русскую школу ходили, там дети были татары, удмурты и русские в основном. В старших классах. Только на русском общались» (О. К., 34).

Как видим, шансы овладеть татарским языком для марийцев значительно понижались, если языковые контакты имели место лишь в рамках неформального общения в процессе школьного обучения, тем более если марийцы и татары получали начальное образование в отдельных национальных школах и становились одноклассниками лишь в средней школе, когда доминирующим и приоритетным языком и в обучении, и в общении становился русский.

Наконец, отдельно остановимся на таком аспекте, как возможные языковые контакты марийцев и татар во внутрисемейной сфере (учитывая близость их проживания на малой родине). Непосредственно в нашей выборке из 100 марийцев в браке (зарегистрированном или гражданском) состоят (или в свое время состояли) 78 человек: в 63% случаев супругом (супругой) является мариец (марийка), в 24% — русский (русская)¹⁴, в 10% — «смесь» (в терминологии опрошенных), в 3% — татарин (татарка), в последней интересующей нас категории внутрисемейное общение было на русском. Браки марийцев и татар в нашей выборке — нечастые (что подтверждается и данными относительно этнической принадлежности самих респондентов: из 100 респондентов, идентифицирующих себя в качестве этнических марийцев, лишь в двух случаях одним из родителей опрошенных являлся татарин или татаркой)¹⁵. Рассмотрим оба случая подробнее.

В первом случае мать респондента, татарка, и отец, мариец, происходили родом из одной марийской деревни, их семьи жили на одной улице (попутно отметим, что общение матери и отца было на марийском). В семье матери, проживающей среди марийцев, языком домашнего общения при этом выступал татарский («мамины родители, чистокровные татары, с детства детей воспитывали, точнее учили на татарском»), с соседям они общались в том числе и на марийском («с детства у них было три языка»). Сам респондент, часто навещавший бабушку и дедушку по материнской линии в детстве, о своих дошкольных годах и погружении в татарский язык вспоминает так (позднее он практически не бывал в этой деревне): «Это все проходило, наверно, до школы. То есть мне было от четырех до семи-восьми лет. В это время мы у них там интенсивно бывали, и вот это было основное время, когда я окупился в татарский язык, скажем так. Так как мы там часто были, все равно, конечно, разговор слышали и чуть-чуть учили. Некоторые первые слова. Некоторые первые предложения. Но это было, конечно, очень бедно. Там что-то сложить в разговоре — ничего конкретно я не мог! В той семье были бабушка, дедушка, дядя, тетя, у дяди — двое детей, мои двоюродные братья и сестры. Они, соответственно, между собой разговаривали на татарском, но и плюс к нам в большинстве случаев, насколько помню, обращались к нам на марийском. Но бывало, что и на татарском. Так вовлекали нас. Но и нам тоже, детишкам, было весело что ли. Такое игроподобное! Я знал самые простые и обиходные слова, то есть домашние животные, это пища, то есть... как “хлеб”, “суп”, такие вот самые часто встречающиеся блюда. Предметы быта, как, например, “нож”, “ложка”, “столы”, “стулья”, самые такие простые, с которыми непосредственно сталкивались — их и знал. И плюс простейшие глаголы: “дай”, “кушай”, “иди”, “ходить”, “говорить”. И насколько помню, простые предложения строил. “Дай хлеб”, например. “О, кошка идет”. Ну, конечно же, считать нас тоже учили. И плюс к тем словам, которые знал в детстве, это были вопросы, “где, какой, когда, что, кто”, — такие. Просто, может, ради интереса, я пытался изучить. Ну а так скажу, что я как-то стеснялся... что ли как-то говорить... что я типа умею говорить. У меня сестренка как-то легче училась, она дальше в этом направлении продвинулась во время детства. А я как-то стеснялся показать, что я что-то умею... не знаю, почему. Ну а потом сестренка, что знала, то растеряла со временем. Сейчас еле что помнит» (М. Е., 31).

Во втором случае, наоборот, мать респондентки была марийкой, а отец татарин, они были уроженцами разных деревень — марийской и татарской соответственно; языком их внутрисемейного общения впоследствии был только русский. «Мой отец — татарин, он женился на моей маме, хотя все были против, особенно с его стороны, так как это раньше не приветствовалось, когда татарин женится на

¹⁴ Среди марийцев и в прошлом встречались смешанные браки с русскими и чувашами [Петров 1994: 230—231].

¹⁵ Сохранение эндогамности чаще бывает при наличии в одном регионе населения с разными религиями [Кузнецова 2000: 30] (подробнее о марийской религии см. [Марийцы 2013: 287—301; Филатов, Щипков 1996]).

марийке¹⁶. Я думаю, что было мало таких случаев, это был редкий случай. На свадьбе почти никого не было. Но они поженились, он жил в марийской деревне, он со всеми разговаривал по-русски, а вообще марийский он со временем тоже понимал. И с ним могли по-марийски, а он мог в ответ по-русски. Но так как они потом жили в марийской деревне, поэтому ему... как бы особо общаться было не с кем (на татарском. — М. К.). Но все равно язык он, конечно же, не забывал, мы ездили к его родителям. К бабушке. И там он общался на татарском языке, поэтому мы и слышали разговор, слова. И какие-то слова, конечно же, запомнились. И он нас называл не “доченьки”, а “кызымки мои”, там еще вот — “Мин сине яратам”, ну это все как бы знают. “Я тебя люблю”, — он нам говорил. То есть какие-то такие слова, которые постоянно используются, мы знаем. Мы отмечали, например, дома марийские праздники, могли поехать к родителям отца, к бабушке, там мы отмечали уже татарские праздники» (Е. В., 33).

В результате оба респондента заявили о том, что свободно владеют только двумя языками — марийским и русским. «В совершенстве двумя — русским и марийским. Татарским — умею, могу поддержать разговор, понять. Ну... татарский-то... я не свободно общаюсь, но я его понимаю, могу поддержать разговор. Но разговариваю я свободно на двух только» (М. Е., 31). «Если бы мы жили в татарской деревне, мы бы, наверное, изучили и татарский. Но так как мы жили в марийской деревне, то знали марийский, а в папиной деревне мы разговаривали на русском» (Е. В., 33).

Как видим, марийско-татарское языковое взаимодействие в школе и степень усвоения, например, татарского языка марийцами в большей мере зависели от модели и этапа школьного обучения. Наиболее благоприятным с точки зрения успешного овладения татарским представляется вариант, при котором марийцы обучались в татарской школе; марийско-татарские языковые контакты завязывались также при условии совместного обучения марийских и татарских детей на всех этапах обучения (в дружеском общении вне учебной деятельности, осуществлявшейся, как правило, на русском языке); в том случае если начальное обучение респондентов было в национальной школе и в среднем звене школы происходило слияние классов в более крупном населенном пункте, языком общения выступал исключительно русский язык.

Что касается возможных марийско-татарских языковых контактов во внутрисемейной сфере, следует отметить, что, как показало изучение языковых биографий респондентов, браки между марийцами и татарами в выборке были крайне редкими, таким образом, возможности для успешного овладения татарским и марийским внутри брака (как супругом, так и детьми) были сведены к минимуму.

5. Заключение

Изучение языковых биографий марийцев Московского региона позволило выявить узкий, однако важный с лингвистической точки зрения аспект — вопрос марийско-татарского взаимодействия и, как следствие, бытовавшего ранее марийско-татарского двуязычия, распространенного в местах традиционного расселения марийцев.

Нами были определены следующие факторы, влияющие на установление и поддержание еще в недавнем прошлом марийско-татарских языковых контактов: историко-географический (чересполосное расположение марийских и татарских деревень или одна общая, «смешанная» деревня); хозяйственно-экономический и производственный (тесные торговые и хозяйственные отношения между марийцами и татарами, наличие общей торговой точки на татарской стороне, ведение общей трудовой деятельности в советское время в колхозе); культурно-досуговый (совместная культурно-досуговая деятельность). Несмотря на то что использование марийцами татарского языка тяготело к бытовому общению, татарский выполнял, согласно данным языковых биографий респондентов, коммуникативную, символическую, эмоциональную функции, а также служил тайным языком.

Основной причиной, повлекшей угасание данного типа языковых контактов, явилось, по мнению респондентов, ослабление торгово-хозяйственных связей. С течением времени гужевой транспорт был полностью заменен автомобильным; торговые пути, лежавшие некогда через деревни, расположенные, как правило, чересполосно, теперь проходили по магистралям, и необходимость тесного общения татар и марийцев практически отпала. Кроме того, с 1990-х гг. наметилось ухудшение материального благосостояния в сельской местности, что вызвало отток сельских жителей в более крупные населенные пункты и как следствие — распад колхозов и вымирание отдельных деревень.

¹⁶ Издавна подобные экзогамные браки не поощрялись и официальными властями. Еще в XVIII в. казанский губернатор Платон Мусин-Пушкин (1732 г.) писал: «Також запретить надлежит чтоб махOMETANE чувашских, черемисских, мордовских и вотяцких вдов и дочерей девок под смертною казнью в замужество за себя не брали» [цит. по Кузнецова 2000: 29].

Отдельно в статье был рассмотрен вопрос марийско-татарского языкового взаимодействия в условиях школьного обучения и выявлены (во всяком случае, применительно к марийцам) наиболее благоприятные условия для успешного овладения этническим языком соседей.

Что касается языковых контактов между марийцами и татарами во внутрисемейном общении, то они, по данным языковых биографий респондентов, были сведены к минимуму, поскольку в сельской местности — в местах традиционного расселения представителей обеих этнических групп — браки между татарами и марийцами ранее не слишком поощрялись.

В целом, что касается оценки респондентами непосредственно своих компетенций в татарском, существенным представляется, во-первых, место их рождения и проживания на малой родине, во-вторых, распределение этих данных по когортам (см. таблицу 5).

Таблица 5. Место рождения респондентов и число респондентов, указавших на владение или знание татарского языка, — по когортам в выборке

Когорта в выборке	Число респондентов в когорте, указавших на владение или знание татарского	Из них являются уроженцами Республики Марий Эл	Из них являются уроженцами Республики Башкортостан
21—30	4	3	1
31—40	3	1	2
41—50	3	1	2
51—60	2	—	2
61—70	3	—	3

В нашей выборке об этом заявили 15 опрошенных, из них две трети являются уроженцами Республики Башкортостан, треть — выходцами из Республики Марий Эл (Моркинский и Волжский районы). Во всех когортах, за исключением самой младшей, лидируют башкирские марийцы.

Анализ сведений, почерпнутых автором статьи из интервью с респондентами, позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев это знание татарского — пассивное, в отличие от более активного владения, когда-то характерного, кажется, для представителей старшего поколения в семьях опрошенных¹⁷.

В старших когортах в выборке татарский язык, которым некогда активно, по их словам, владели опрошенные, несколько ими забывается сейчас в силу возраста и, вероятно, длительного проживания в Московском регионе, редких поездок на малую родину: *«Сейчас уже татарский начал забываться, а так у меня друзья татары есть на родине. Когда я приезжаю, они меня в гости ждут, зовут. Разговариваем на русском, но где-то иногда уже на татарском может проскочить. Сейчас уже совместно, получается, интернациональный язык — это русский. Они знают марийский, мы знаем татарский. Но разговариваем мы на русском»* (В. А., 62). *«У меня чуть-чуть татарский, потому что жил в Башкирии среди татар, но, как говорится, уже забывается»* (Г. Д., 56).

В средних и младших когортах респонденты изначально были в меньшей степени вовлечены в марийско-татарские языковые контакты, которые ранее достаточно активно поддерживали их родители; часто опрошенным отводилась роль пассивного слушающего, проявлявшего, однако, любознательность и любопытство: *«Я татарский знаю мало, но понимаю хорошо. Слова понимаю, когда татары между собой общаются, могу понять, о чем говорят, о чем идет речь. 40 процентов, наверное. Я просто не учила этот язык! Так, из разговоров запоминала. Когда старшие раньше общались с татарами из соседних деревень. Просто на слуху осталось, скорее всего, да и многие слова у нас уже перепутались с татарскими. А еще иногда могла спросить, что обозначает это слово, о чем вы говорили. Но с татарами-ровесниками мы уже по-русски общались. Мы просто меньше контактировали с ними. И родители мои также, знают какие-то слова бытовые, а так, чтобы разговаривать с татарами прямо — нет. Они на русском с ними в школе разговаривали. А бабушке с дедушкой раньше приходилось общаться с татарами, которые не знают русского языка»* (О. И., 36).

Сопоставительное изучение языковых биографий именно башкирских марийцев в аспекте владения татарским языком старшим поколением в семье и непосредственно самими респондентами показывает, что, вопреки расхожему мнению о том, что *«знание татарского у нас передается из поколения в поко-*

¹⁷ Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением — заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами [Беликов, Крысин 2016: 51].

ление» (Н. Ш., 41), намечается угасание марийско-татарских языковых контактов и постепенное вымывание марийско-татарского контактного билингвизма, бытовавшего в зоне расселения соседствующих на протяжении веков мари и татар. Рассмотрение условий и установление предпосылок, повлиявших, с одной стороны, на возникновение марийско-татарских языковых взаимоотношений, с другой стороны, на их утрату и забвение, в какой-то мере разрешает загадку: «Бабушка с дедушкой прекрасно владели татарским, родители — частично, а нам почему-то не передалось» (Э. З., 45).

Приведем размышления одного из наших респондентов: «Скорее всего, дело не в том, почему от нас ушло или не ушло знание татарского, здесь нужно говорить о том, пришло оно или не пришло» (В. Н., 67). В данной статье намечены лишь самые общие вопросы, которые, вероятно, ждут дальнейшей, более детальной разработки и полевых исследований в местах, пока еще являющихся ареной марийско-татарских языковых контактов.

В заключение приведем обширную цитату, в которой на примере трех поколений марийской семьи проследим за основными этапами языковых марийско-татарских взаимодействий.

Бабушка и дедушка знали татарский, разговаривали, понимали. Во времена бабушки-дедушки и даже во времена родителей, например, я знаю, что они очень тесно общались, потому что наша деревня — прямо рядом с Татарстаном граничила. Наш огород заканчивался, начинался Татарстан, татарская деревня. Очень много было общения также, потому что Татарстан — они были более зажиточные такие, у нас тогда проблематично было. Продовольствия там было больше, и марийцы как бы ездили покупать, обмениваться чем-то. То есть это была такая экономическая составляющая. Они общались также. Татары то же самое — приезжали, скот покупали. У нас еще Казань недалеко, через эти деревни. Если даже на ночь они не доходили до своей деревни, либо погода не позволяла, как бы татары... с той деревни именно, оставались даже ночевать, пускали вообще без проблем! Очень хорошо относились, дружественно, именно между двумя деревнями. Я не знаю, не могу сказать, как там в другой деревне, но у нас с соседней деревней так было. Ну, и бабушка рассказывала, что оставались переночевать, если не доходили до дома, и спокойно их пускали переночевать, и соответственно, и с нашей стороны то же самое было, если по какой-то причине попросились ночевать, вопросов не было: пускали. Но это вот бабушки-дедушки.

Раньше еще в нашей деревне очень тесно общались с татарами, потому что в нашей деревне магазина не было. Какого-то продовольствия не было. Они все ходили в татарскую деревню. Даже папа рассказывал, как они, когда были подростками, ходили за хлебом, мешками хлеб покупали, за какими-то вещами в татарский магазин ходили. В нашей деревне такой возможности не было, а в Татарстане было все! И вот два километра — уже татарская деревня. Папа не владел татарским, но у него очень много друзей, знакомых, кто в Татарстане жил, общались тесно. На русском общались. То есть... еще бабушки и дедушки общались на татарском, потому что у них было такое вот тесное общение, а родители мои уже с татарами на русском. Папа мой знает отдельные слова, основные выражения какие-то. Как поздороваться, как попрощаться. Не все понимал, а только какие-то выдержки.

У нас школы между собой дружили, когда мои старшие сестры учились, в день пионерии 19 мая всегда они ездили в татарские школы и иногда татары в нашу школу. Каждая школа, которая в тот год проводила встречу, показывала культуру своего народа. Татары показывали татарские танцы, игры свои национальные татарские, а марийцы — свои, марийские. На русском языке. Потом, когда я училась, таких встреч было все меньше, реже, но они все еще были. И то же самое, мы их приглашали, например, на Костер дружбы, именно прыгали через костер, показывали свои национальные игры, играли в них, марийские танцы и марийские песни. А они, со своей стороны, свои танцы и песни, игры, пляски. Но это раз в год. Такого тесного общения уже не было, когда ты раз в год видишься. Как-то уже общих интересов нет. Может, это тоже повлияло. Сестры не знают татарского. Но, как и я, знают отдельные слова и выражения на татарском. Потому что бабушки-дедушки нет-нет что-нибудь на татарском скажут. Или увидятся в магазине, татары приезжают, они могут парой словечек обмолвиться, и ты запоминаешь какие-то элементарные слова. А мы уже с ними — на русском.

(М.К., 28, Волжский район, РМЭ)

Литература

Баскаков, Насырова 2000 — Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 34—129. {Baskakov A. N., Nasyrova O. D. Language situations in Turkic-speaking republics of the Russian Federation (a brief sociolinguistic outline) // Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow, 2000. P. 34—129.}

Беликов, Крысин 2016 — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. {*Belikov V. I., Krysin L. P.* Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree. Moscow, 2016.}

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04—07.pdf, 2010. {The All-Russian Census of 2010 // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04—07.pdf, 2010.}

Иванов, Сануков 2015 — *Иванов А. Г., Сануков К. Н.* История Марий Эл: учебное пособие. Йошкар-Ола, 2015. {*Ivanov A. G., Sanukov K. N.* The History of Mari El: a textbook. Yoshkar-Ola, 2015.}

Исанбаев 1989 — *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола, 1989. {*Isanbayev N. I.* Mari-Turkic language contacts. Part 1: Tatar and Bashkir loans. Yoshkar-Ola, 1989.}

Коведяева 1976 — *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 3—96. {*Kovedyayeva E. I.* Mari language // Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages. Moscow, 1976. P. 3—96.}

Коведяева 1987 — *Коведяева Е. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М., 1987. {*Kovedyayeva E. I.* Areal studies on eastern Finno-Ugric languages (Mari language). Moscow, 1987.}

Коведяева 1993 — *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 148—164. {*Kovedyayeva E. I.* Mari language // Languages of the World: Uralic languages. Moscow, 1993. P. 148—164.}

Коведяева, Николаева 2001 — *Коведяева Е. И., Николаева И. А.* Марийский лугововосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. II. М., 2001. С. 274—283. {*Kovedyayeva E. I., Nikolayeva I. A.* Mari meadow-eastern language // Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia in 3 volumes. Vol. II. Moscow, 2001. P. 274—283.}

Козлова 1978 — *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. {*Kozlova K. I.* Outlines of Mari people's ethnic history. Moscow, 1978.}

Кондрашкина 2016 — *Кондрашкина Е. А.* Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 746—752. {*Kondrashkina E. A.* Language situation in the Republic of Mari El // Language and society. Encyclopedia. Moscow, 2016. P. 746—752.}

Кузнецова 2000 — *Кузнецова А. И.* Старые социоллингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социоллингвистике) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 18—33. {*Kuznetsova A. I.* Old sociolinguistic materials and the possibility of their new reading (to the question of changing interpretations in sociolinguistics) // Languages of the Russian Federation and newly formed neighbouring countries: status and functions. Moscow, 2000. P. 18—33.}

Марийцы 2013 — Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013. {*Maris. Historical-ethnographic outlines.* Yoshkar-Ola, 2013.}

Народы Поволжья и Приуралья 2000 — Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. {*Peoples of the Volga and the Urals region. Komi-Zyryans. Komi-Permians. Maris. Mor-dovians. Udmurts.* Moscow, 2000.}

Петров 1994 — *Петров В. Н.* Марийцы // Гл. ред. *В. А. Тишков.* Народы России: энциклопедия. М., 1994. С. 229—231. {*Petrov V. N.* Maris // Peoples of Russia: encyclopedia. Moscow, 1994. P. 229—231.}

Сануков 2000 — *Сануков К. Н.* Марийцы: прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000. С. 12—61. {*Sanukov K. N.* Maris: past, present, future // Maris' world. Problems of national, socio-economic and cultural development of Mari people. Yoshkar-Ola, 2000. P. 12—61.}

Сафин, Сабирова 2018 — *Сафин Ф. Г., Сабирова Е. Н.* Языки национальных меньшинств в Башкортостане и факторы их сохранения // Отв. ред. *А. Н. Биткеева, М. А. Горячева.* Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14—17 ноября 2018): Доклады и сообщения. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М., 2018. С. 682—687. {*Safin F. G., Sabirova E. N.* Languages of ethnic minorities in Bashkortostan and factors of their maintenance // Language unity and language diversity in a polyethnic state: an international conference (Moscow, Nov. 14—17, 2018): Reports and communications. Institute of Linguistics, RAS. Moscow, 2018. P. 682—687.}

Сепеев 2006 — *Сепеев Г. А.* История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. {*Sepeyev G. A.* History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola, 2006.}

ССТ 2006 — Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. *В. Ю. Михальченко.* М., 2006. {Dictionary of sociolinguistic terms / Ed. *V. Ju. Mikhailchenko.* Moscow, 2006.}

Филатов, Щипков 1996 — *Филатов С., Щипков А.* Сотая епархия. Последний языческий народ Европы // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1 / Автор-составитель *С. М. Червонная*, под редакцией *М. Н. Губогло.* М., 1996. С. 167—175. {*Filatov S., Schipkov A.* The hundredth diocese. The last pagan people in Europe // Ed. *M. N. Guboglo.* The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 167—175.}